

ДИНАСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ В БОРЬБЕ ЗА УПРАВЛЯЕМОСТЬ МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО XVI—XVII ВВ.

Василий Жарков

Российская государственность окончательно оформилась почти ровно пятьсот лет назад, когда в конце XV — начале XVI в. усилиями Ивана III и Василия III к Москве были присоединены основные крупные феодальные центры Северо-Восточной Руси. Тогда же благодаря Софье Палеолог, супруге великого князя Василия III, в геральдике нового государства стал использоваться византийский двуглавый орел, в те же годы оформился общий облик современного Кремля, вскоре появилась и концепция «Москва — Третий Рим». Либеральные историки домарксистской школы считали, что это и был тот момент, когда у России появилось собственное государство¹. Предшествовавший этому так называемый удельный период (период феодальной раздробленности) рассматривался как время формирования государства, не более.

Новое государство сразу стало самым большим по территории в Европе (ни европейцы, ни москвиты, впрочем, не считали его европейским). Однако даже в относительно заселенных районах средняя плотность населения страны не превышала десяти человек на один квадратный километр. С природно-климатической точки зрения Северо-Восточная Русь не была обетованным краем, ее самая южная точка географически совпадала с крайним севером Франции, континентальная удаленность от теплых вод Гольфстрима делала русские земли зоной рискованного земледелия. Не меньшую трудность представляли колоссальные по тем временам расстояния: чтобы добраться из какого-нибудь бывшего удельного центра в новую столицу единого государства, порой требовались сутки, если не недели. Не говоря уже о том, что два раза в году — во время весенней и зимней распутицы — какие-либо коммуникации отсутствовали вовсе.

1. Павлов-Сельванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988; Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. М., 1998 и др.

Если в большинстве стран не только Западной, но и Центральной Европы внутренняя колонизация в целом закончилась к XIV–XV вв., то применительно к России в это время можно говорить только о начале данного процесса. В летописных свидетельствах XIV в. можно встретить упоминания, что «в лесах» живут и ведут свое хозяйство люди, которые податей никаких не платят и власти никакой не признают, и сколько их числом, никто не ведает. Фактическое отсутствие границ на юге и востоке делало практически беспрепятственным отток и без того немногочисленного населения в поисках более пригодной для жизни территории.

Слабым было городское торгово-ремесленное население — традиционная опора централизации европейских государств. Великие географические открытия, пришедшиеся как раз на момент становления Московского царства, положили конец транзитной торговле между Европой и Азией через Балтику, Поволжье и Каспий, что привело к экономическим потерям и упадку не только Ганзейских городов, но и их традиционных партнеров в Северо-Восточной Руси. Потеряв возможности евро-азиатского торгового транзита, будучи удаленной от соединявших континенты новых трансатлантических торговых путей, не имея освоенных запасов золота и других металлов, Московия превратилась в экономическую периферию Европы раннего Нового времени.

Негативный географический фактор требовал от нового государства ведения внешней экспансии, с одной стороны, с целью прорыва выхода к «теплым морям» (В. О. Ключевский), а фактически к трансатлантическим торгово-экономическим путям. С другой стороны, для приобретения территорий, богатых природными ресурсами (Урал, Сибирь) и более пригодных для эффективного земледелия (Поволжье, Юг, Украина). Однако удаленное от тогдашних центров «производства идей и технологий» Российское государство XVI–XVII вв. существенно уступало в военном отношении своим основным европейским соседям — Польше и Швеции. Весьма существенной и реальной была угроза с Юга — со стороны Османской империи и ее вассала Крымского ханства. Безусловно удачным в этот период можно считать лишь восточное направление экспансии Москвы — в отношении находившихся в депрессии остатков Золотой Орды в Северной Евразии.

Все названные факторы: протяженность территории, неразвитость коммуникаций, низкая плотность населения, незавершенность внутренней колонизации, недостаточно производительное сельское хозяйство, слабые торгово-ремесленные города, трудности в охране границ государства, необходимость внешней экспансии в поисках лучших земель — существенно усложняли управляемость страной. Борьба за традиционные государственные монополии — право на насилие, сбор налогов, денежную эмиссию — требовала дополнительных усилий. В результате давление государства на общество оказывалось значительно более жестким и деспотичным, чем в аналогичных династических го-

сударствах Западной Европы. Перманентный дефицит управляемости провоцировал государство к сверхмобилизации и сверхцентрализации, что в свою очередь время от времени приводило к острым социальным кризисам и конфликтам.

ОПРИЧНИНА VS СМУТА: «ДИВЕРСИФИКАЦИЯ» НАСИЛИЯ

Как политический феномен опричнина (1564–1572) возникла примерно через полстолетия после образования централизованного Российского государства. Ей предшествовал период относительной политической либерализации, когда после Московского восстания 1547 года власти в лице молодого царя Ивана IV и его реформаторски настроенного окружения, объединенного в Избранной Раде, пытались ввести в стране институты сословного представительства (Земские соборы) и местного самоуправления (Губные и земские избы)². Как конкретно-историческое явление опричнина просуществовала менее десяти лет, однако это, безусловно, одно из главных событий в истории России. В историографии ее принято рассматривать как один из этапов борьбы за централизацию государственной власти. Однако с точки зрения борьбы за монополию на насилие ее методы и результаты выглядят достаточно сомнительно.

В декабре 1564 г. на фоне неудач в Ливонской войне и обострившихся противоречий с бывшими соратниками (именно в тот год князь Андрей Курбский уехал в Литву), царь Иван Грозный покинул свой двор в Кремле и удалился в Александрову Слободу, чтобы навсегда отказаться от управления никак не желающей ему подчиняться страной. Власть в лице Ивана «обиделась» на общество и элиту. Страна и элита, однако, покаялись и попросили царя вернуться. В результате возникла система управления, аналогов которой трудно найти в практике централизации государств. Борясь прежде всего за монополию на насилие, верховная власть решила ее «диверсифицировать», создав по сути два конкурирующих между собой «аппарата насилия».

Страна была условно разделена на две части: земщину, где формально сохранялась прежняя система управления с Боярской думой, приказами, местными выборными губными избами и т. п. И опричнину — особый удел, не подчинявшийся никому, «опричь» (кроме) царя, соответственно, со своей властной вертикалью и силовыми структурами. Тогда же было создано специальное опричное войско, набравшееся по принципу личной преданности государю. Вскоре опричнина фактически объявила войну земщине: по подозрению «в измене» разорялись родовые вотчины и поместья, угонялись крестьяне, увозилось имущество, хозяев, лишив всего, жестоко пытали и казнили, так что карти-

2. Подробнее об этом см. Жарков В. П. Деревянная демократия // Русская жизнь. 2008. № 8. С. 22–26.

ны Страшного Суда в русских церквях казались невинными детскими рисунками.

Учреждение опричнины было направлено не исключительно против боярства, но против всего старого государева двора, олицетворявшего государство как таковое. Характерно, что большинство репрессированных в годы опричнины принадлежало не к родовой боярской аристократии, а к дворянам³. Иван IV не просто натравил одну часть госаппарата на другую, но и «заповедал», т. е. приказал опричникам насиловать, грабить, убивать всех, кто мог быть заподозрен в «измене». Новый, как представлялось Ивану IV, более эффективный аппарат насилия в виде опричного двора фактически объявил войну собственной стране. «Конкуренция» между опричниной и земщиной фактически привела к массовому террору, затронувшему почти все слои населения.

От опричного террора страдали все обитатели земщины: и бояре, и дворяне, и их крестьяне, и жившие в городских вотчинах ремесленники, и даже целые города (Клин, Новгород). Любой вельможа или обыватель, у которого было что отнять, рисковал попасть в поле зрения опричных «силовиков». Стоит учесть при этом, что дисциплина в опричном войске постоянно падала, и с течением времени «опричник стал вырождаться в простого разбойника». Результат не заставил себя ждать. И без того негусто населенная страна в отдельных районах была доведена практически до полного запустения. Голод и эпидемии стали привычным явлением, население разбегалось в Литву, на южные и восточные окраины — подальше от агрессивной власти. В 1569 г. в Клинском уезде оставалось только два населенных пункта⁴. Не говоря уже о том, какой ущерб экономике страны нанес разгром торгово-промышленного Великого Новгорода.

Создавая опричнину и развязывая массовый террор, Иван IV, очевидно, стремился решить проблему управляемости и чрезвычайными мерами обеспечить, доказать собственную монополию на насилие. Однако крошечная жесткость с точки зрения укрепления государства дала совершенно обратные результаты. Будучи раздробленной на две противоборствующие системы, власть теряла и без того слабые функции контроля. Можно ли назвать государство сильным, если оно не в состоянии выполнять своих основных функций: гарантировать закон и порядок, обеспечивать безопасность и неприкосновенность имущества обывателей, защищать внешние границы страны? Увы, опричнина не смогла обеспечить решения возложенных на нее задач. Опричное войско прежде всего грабило и убивало подданных московского царя, но в критический момент не смогло противостоять возникшей внешней угрозе: в мае 1571 г. опричники бежали от конницы крымского хана, в результате чего татары практически безнаказанно разграбили и сожгли

3. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 155.

4. Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 389, 401.

Москву. На следующий год Иван IV, разочаровавшись в своих по-собачьи преданных и по-собачьи бездарных слугах, уничтожил опричнину и под страхом жестокого наказания запретил всякое упоминание о ней.

Раскол в элите и обществе, неразбериха и путаница в управлении, продолжение неудач во внешней политике, экономическое разорение и запустение страны, общая политическая и социальная нестабильность — таким выглядело Московское государство по итогам опричного эксперимента. Опричнина, по мнению значительной части историков, стала одним из важнейших факторов, благодаря которому Россию постигла первая гражданская война — Смутное время начала XVII в. Став несомненным кризисом династического государства (род Даниила Московского, правивший на протяжении трех с половиной столетий, прервался после смерти сыновей Ивана Грозного), Смута во многом была вызовом деспотизму как таковому. Это был период расцвета деятельности Земских соборов, утверждавших не только царские указы, но и саму царскую власть — все претенденты на престол в конце XVI — начале XVII вв. проходили процедуру утверждения представителями «всей земли»⁵.

Однако ослабление деспотизма вскоре привело к окончательной утрате управляемости, включая и монополию на насилие. В начале 1610-х гг. под вопросом оказались суверенитет и территориальная целостность страны. В результате, Второе земское ополчение К. Минина и Д. Пожарского (1612 г.), избрание на царство Михаила Романова (1613 г.), сворачивание деятельности Земских соборов и возвращение к практике прежнего централизованного управления под влиянием патриарха Филарета в 1620-е гг. во многом оказались результатом общественного консенсуса, сформированного на опыте как государственного терроризма опричнины, так и безвластия Смутного времени. Произвол государева слуги оказался предпочтительнее «озорству и разбою лихих людей». Так государство в конечном итоге сумело обеспечить монополию на насилие. На очереди было решение вопросов, связанных с налогами и денежной эмиссией.

НАЛОГОВЫЙ И ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Относительная стабильность Российского государства, установившаяся к 1630-м гг., была нарушена в середине XVII столетия. Вместе с тем нельзя не учитывать глобальный характер очередного проблемного периода. Как писал Эрик Хобсбаум, «европейская экономика в XVII в. прошла через общий кризис, последнюю фазу перехода от феодальной к капиталистической экономике»⁶. К 1645 г. в России назрел острый со-

5. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 273.

6. Северный архив. 1912. № 1. С. 156.

циально-экономический кризис, связанный прежде всего с неэффективностью существующей системы сбора налогов и дефицитом государственных финансов.

Первоочередной проблемой, которую пришлось решать правительству (его возглавил боярин Борис Иванович Морозов, фаворит молодого царя Алексея Михайловича), стало преодоление бюджетного дефицита. С целью увеличения суммы собираемых налогов правительство попыталось отменить льготы, позволявшие вести беспошлинную торговлю монастырям. Однако подобная политика натолкнулась на решительное сопротивление церковных иерархов. В результате за многими крупными монастырями льготы были сохранены в виде исключения.

Другим важным шагом стало введение новых пошлин на импортные товары, предполагавших отмену льгот для иностранных, прежде всего английских, купцов — иностранцы должны были платить столько же, сколько и русские. Одновременно в России, по сути дела впервые, была создана таможенная служба. Раньше корабли, приходившие в Архангельск не досматривались, иностранцы указывали приблизительное количество ввозимого товара, а казна не получала значительные суммы денег. Теперь плата взималась с реального объема поступавшего импорта, а таможня приобрела гораздо большее значение. Однако новые таможенные правила негативно отразились на внешнеторговой ситуации: иностранцы начали сворачивать свою деятельность в России.⁷ Сборы от новых таможен стали еще меньше. Русские купцы лишились возможности получать от иностранцев кредиты. Не добившись поставленных целей, правительство пошло на уступки. Отчасти это произошло из-за коррупции — иностранцы платили взятки крупным государственным чиновникам.

В качестве наиболее известной фискальной меры на внутреннем рынке в этот период следует упомянуть новый налог на торговлю солью, введенный вместо нескольких изживших себя пошлин, предусматривавший трехкратное увеличение суммы, взимаемой в пользу государства при совершении торговой сделки по купле-продаже соли.⁸ Расчет был сделан на то, что добавочный налог на товар первой необходимости, каким была соль, принесет казне доход. Но и здесь правительство потерпело фиаско: соляная торговля оказалась парализованной. Торговые склады были забиты отсыревшей солью и сгнившей рыбой. В начале 1648 г. этот налог пришлось отменить. Другим косвенным налогом стали так называемые конские деньги, взимаемые при торговле лошадьми. Фискальными соображениями было продиктовано и введение новых обязательных эталонов длины — «аршинов», которые в принудительном порядке распространялись среди купцов.

7. СГГД. Т. 1. № 124; ДАИ. Т. 3. № 23.

8. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. 1906. С. 264–265.

Фискальная политика, проводившаяся в 1645–1648 гг., ударила по интересам средних и нижних городских слоев. Новые налоги и пошлины разорили внутреннюю торговлю страны. Русские купцы становились неплатежеспособными и теряли доверие иностранных партнеров. В выигрыше оказался лишь узкий слой московских гостей, связанных с правящей верхушкой и пользовавшихся ее покровительством.

Не имея возможности в полной мере добиться желаемых результатов путем реформирования системы налогообложения, государство решило расширить круг налогоплательщиков за счет ликвидации «белых слобод» — частных владений крупных светских и духовных феодалов в городах, жители которых обладали податным иммунитетом. Новое посадское строение, предусматривавшее ликвидацию частновладельческих слобод в городах, в порядке эксперимента начало проводиться во Владимире, Суздале и других центрах⁹. Окончательно «белые слободы» были ликвидированы по Соборному уложению 1649 г.

Важной мерой в рамках режима жесткой экономии стали так называемые правежи недоимок. Правительство решило во что бы то ни стало вернуть все долги по уплате налогов и податей. Только в одной Устюжской четверти на 1646 г. недоимок значилось на сумму в 35 тыс. руб. Все эти огромные деньги государство буквально выколачивало из своих подданных. После отмены соляной пошлины в 1647 г. были восстановлены прежние прямые налоги, причем в тройном размере, т. к. власти заставляли платить и за те годы, когда они не действовали. Долги были записаны на воевод и других служащих местных приказных изб, а они, в свою очередь, выбивали их из тяглого населения.

В историографии уже отмечалось, что финансовая политика русских властей середины XVII в. содержала элементы меркантилизма,¹⁰ который был неотъемлемой частью экономической системы большинства абсолютных монархий на европейском континенте. Не исключено, что правительство Б. И. Морозова руководствовалось идеями меркантилизма. Цель реформ состояла в как можно большем пополнении бюджета страны. Соляной налог и конские пошлины не что иное, как классический пример введения косвенных акцизных сборов с продаж. Совершенствование таможенной службы и отмена льгот для иностранцев были вызваны стремлением увеличить поступления в казну. Наконец, известно, что в период правительства Б. И. Морозова на российском рынке начинается засилье торговых монополий.

В экономической политике 1646–1648 гг. можно обнаружить многие черты, присущие меркантилизму. Судя по всему, меркантилист-

9. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 67.

10. Базилевич К. В. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Московский университет им. М. В. Ломоносова. Ученые записки. История. М., 1940. Вып. 41. С. 3–7.

ские идеи были заимствованы из Нидерландов — советником и компаньоном Б. И. Морозова был голландец А. Винуус,¹¹ сохранились составленные им аналитические записки с конкретными рекомендациями. Стараниями «морозовской партии» на русской почве был впервые проведен экономический эксперимент с использованием западных экономических рецептов. Однако уровня развития страны явно не хватало для того, чтобы передовой опыт раннебуржуазной Европы мог успешно прижиться на просторах Московии.

Трехлетний период реформ правительства Б. И. Морозова закончился Московским восстанием 2 июня 1648 г., когда возмущенной толпе горожан, на сторону которых перешли стрельцы и часть дворян, удалось прорваться в Кремль. На несколько дней власти фактически потеряли контроль над ситуацией в городе. Разгрому подверглись богатые дома, принадлежавшие близким к правительству боярам и крупным купцам. Некоторые особо ненавистные представители элиты были жестоко убиты разъяренной толпой. Историческим итогом 1648 года в России, впрочем, снова стало торжество «старого прядка». Созванный по требованию восставших Земский собор принял Уложение 1649 г. — своего рода антиконституцию, окончательно закрепившую неограниченное самодержавие и крепостное право в стране.

Проблема дефицита финансов, однако, только усиливалась. Начавшаяся в 1654 г. война с Польшей за украинские земли увеличила и без того немалые военные расходы государства, которые не могли покрыть даже чрезвычайные дополнительные налоги. С целью выправления финансовой ситуации было решено наряду с серебряными выпустить в оборот медные деньги: предполагалось перчеканить имевшиеся в казне запасы немецких мелких медных монет в русские монеты крупного достоинства¹². Из фунта меди чеканилось монеты на десять рублей. Планируемый доход правительства от фактической подмены серебряных денег медными должен был составить четыре миллиона рублей. Внешнеторговые расчеты продолжали производиться в серебряных деньгах, долги по уплате налогов также взимались серебром, а жалование находившемуся в литовском походе войску платили медными деньгами.

На самом деле фактически произошла порча монеты — медные деньги никак не могли стоить столько же, сколько аналогичного номинала серебряные, и начали обесцениваться. Серебряные деньги практически исчезли из внутреннего финансового оборота, новых медных денег было выпущено слишком много, к тому же была существенно подорвана государственная монополия на денежную эмиссию — чеканку медных денег быстро освоили фальшивомонетчики, в том числе среди

11. Северный архив. 1812. № 1. С. 151–152.

12. Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 7–83.

представителей высшей придворной аристократии. Резко поднялись цены на товары первой необходимости. Учитывая инфляцию, правительство было вынуждено вернуться к сбору натуральных налогов и фактически ввести монополию на экспортную торговлю. Товары, составлявшие основу тогдашнего российского экспорта, скупались у русских купцов за медные деньги, а за границу продавались — за серебро. Это позволило частично ликвидировать дефицит серебряной монеты. Очередной финансовый эксперимент властей не обошелся без социальных потрясений: в 1662 г. в Москве произошло очередное крупное восстание, после которого медные деньги пришлось отменить.

Дальнейшее развитие Российского государства требовало усиления его основных функциональных монополий. Окончательное завершение этот процесс получил в результате реформ Петра Великого первой четверти XVIII в. Ужесточение крепостного права и введение механизмов его реализации (органы сыска, паспортизация), введение подушной подати, создание регулярной армии, формировавшейся на основе рекрутских наборов, особая роль тайной полиции, абсолютная власть монарха, собственно, олицетворявшего собой государство, стали основой той общественной модели, которая была сформирована в России в эпоху раннего Нового времени. Борьба, продолжавшаяся на протяжении нескольких столетий, закончилась триумфом государства. Оплот «старого порядка» в Европе, система государственного управления в России, основанная на крепостном праве и политическом деспотизме, смогла просуществовать без существенных изменений до второй половины XIX в.